

УДК 343.221

Гузеева Ольга Сергеевна

кандидат юридических наук, судья,
Арбитражный суд Московской области
Olga3520@list.ru

Olga S. Guzeeva

Candidate of Law, Judge of the Arbitration Court of the Moscow Region,
Olga3520@list.ru

СТАТУС ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, В УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

THE STATUS OF THE OFFENDER IN CRIMINAL LAW

***Аннотация.** На основе анализа решений Конституционного Суда РФ и современных научных источников автором раскрывается статус лица, совершившего преступление, в уголовно-правовых отношениях. Им доказана невозможность признания субъектами уголовно-правового отношения должностных лиц, рассматривающих уголовные дела, потерпевших от преступления. В качестве субъектов им предложено понимать физических лиц, совершивших преступление (способных и не способных нести уголовную ответственность), а также, юридических лиц.*

***Ключевые слова:** конституционализация уголовного права, уголовно-правовое отношение, потерпевший от преступления, лицо, совершившее преступление*

***Abstract.** Based on the analysis of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and modern scientific sources, the status of the person, who committed the crime in criminal law relations is revealed. The impossibility of recognition by subjects of criminal law of officials consider in criminal cases as victims of a crime has been proved. As subjects, it is proposed to understand the individuals, who committed the crime (capable and not able to be a criminal responsibility), as well as legal entities.*

***Keywords:** constitutional is action of criminal law, criminal law relation, victim of a crime, person who committed a crime.*

Субъектом, противостоящим государству в уголовно-правовых отношениях, выступает лицо, совершившее преступление. Этот самый общий тезис, с одной стороны, отражает определенную «зону согласия» в отечественной науке, опирающуюся на представления о двустороннем характере правоотношения, но, с другой стороны, служит исходной точкой для формирования значительного числа дискуссионных площадок, на которых активно обсуждаются вопросы относительно видов, особенностей, признаков этого субъекта.

Приступая к исследованию этого вопроса, прежде всего, без глубоких

рассуждений, отметим категорическое несогласие с представленной в современной науке позицией, согласно которой общее понятие «личность как субъект уголовно-правовых отношений» включает в себя государственных должностных лиц, возбуждающих уголовное дело, ведущих уголовное судопроизводство и исполняющих приговор суда[1]. При надлежащем исполнении указанных функций эти лица выступают от имени государства и реализуют именно государственные правомочия в содержании уголовно-правового отношения, в связи с чем, они не могут рассматриваться как самостоятельные, отличные от государства субъекты этого отношения. В случае же ненадлежащего исполнения своих обязанностей такие должностные лица выступают уже в качестве правонарушителей, т.е., стороны, противопоставившей себя государству, и в этом отношении они ничем не отличаются от иных «частных лиц» - правонарушителей. В связи с этим, отсутствуют сколько-нибудь серьезные теоретические основания для позиционирования должностных лиц в качестве самостоятельной разновидности такого субъекта уголовно-правовых отношений, как «личность».

Гораздо острее и сложнее проблема признания субъектом уголовно-правового отношения потерпевшего от преступления. В науке представлена широкая палитра мнений по этому вопросу, а взаимная критика известных позиций избавляет нас от необходимости их детального анализа. Отметим только, что высказанные в литературе мнения по этому вопросу отражают, порой, весьма стройные теоретические построения специалистов, но при этом не всегда учитывают правовые позиции Конституционного Суда РФ, что следует признать их существенным недостатком.

Между тем, Конституционный Суд РФ в ряде своих решений высказался вполне определенно по вопросу о возможности признания потерпевшего субъектом уголовно-правового отношения. Приведем наиболее значимые решения:

- Лицо, по существу, является потерпевшим в силу самого факта причинения ему преступлением вреда, а не вследствие вынесения решения о признании его потерпевшим. Правовой статус лица как потерпевшего устанавливается, исходя из фактического его положения, и лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда о признании потерпевшим, но не формируется им[2].

- Лицу, которому запрещенным уголовным законом деянием причинен вред, должна обеспечиваться реальная судебная защита в форме восстановления нарушенных преступлением прав и свобод, в том числе, возможность осуществления права на судопроизводство в разумный срок согласно законодательно закрепленным критериям определения разумности срока судопроизводства[3].

- Ни объем, ни степень гарантированности прав на судебную защиту и на восстановление нарушенных прав и законных интересов не могут зависеть от того, реализовало ли государство свое правомочие по осуществлению уголовного преследования или отказалось от этого, приняв новый уголовный

закон, устраняющий или смягчающий уголовную ответственность[4].

- Обязанность государства обеспечить восстановление прав потерпевшего от преступления не обуславливает наделение его правом предопределять необходимость осуществления предполагающего вынесения приговора уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также, пределы, возлагаемой на это лицо уголовной ответственности, - такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений может принадлежать только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов[5].

- Из права каждого на судебную защиту его прав и свобод не вытекает возможность выбора гражданами по своему усмотрению способов и процедур судебной защиты, особенности которых, применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел, определяются, исходя из Конституции РФ, федеральными законами, гарантируя права лиц, потерпевших от преступлений, Конституция РФ не определяет, в какой именно процедуре должен обеспечиваться доступ потерпевших к правосудию в целях защиты их прав и законных интересов и компенсации причиненного им вреда, - решение этого вопроса возлагается на федерального законодателя[6].

- Специфика уголовно-правовых отношений как особой разновидности публично-правовых отношений, возникающих в связи с совершением общественно опасных деяний, обуславливает особенности механизма осуществления судопроизводства по уголовным делам, в рамках которого уголовное преследование лица, предполагаемо виновного в совершении такого деяния, его привлечение к уголовной ответственности и возложение на него мер уголовно-правового воздействия принимает на себя государство в лице специально уполномоченных органов, потерпевший же при этом выступает лишь в качестве субсидиарного участника на стороне обвинения. Причем, решение вопросов о возбуждении уголовного дела и его дальнейшем движении, а также о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, не зависит от волеизъявления потерпевшего - оно предопределяется исключительно общественными интересами, конкретизируемыми на основе требований закона и фактических обстоятельств дела[7].

Таким образом, можно вполне уверенно утверждать, что **в конституционной концепции уголовно-правового регулирования, таковой она представляется Конституционному Суду РФ, и с которой нельзя не считаться исследователям, потерпевший не рассматривается субъектом уголовно-правовых отношений.** При всей безусловной, конституционно значимой обязанности государства по обеспечению и защите прав и интересов потерпевших, возникающие в связи с ее реализацией отношения, не являются отношениями уголовно-правовыми. Определить в настоящий момент отраслевую принадлежность этих отношений крайне затруднительно по причине общей недостаточности

нормативного материала. Если вопросы доступа потерпевшего к правосудию урегулированы в УПК РФ, то иные проблемы остаются, на наш взгляд, недостаточно определенными. Так, отсутствует сколько-нибудь системное видение решения проблемы социальной реабилитации жертв, медицинской, социально-психологической и иных видов помощи им, недостаточно обеспечена защита потерпевших от вторичной виктимизации.

Остро стоит вопрос о возмещении причиненного потерпевшему ущерба. Основная проблема заключается в том, выступает ли такое возмещение обязанностью государства или же это деликтные обязательства частных лиц (виновников преступления), вытекающие из факта причинения вреда. Заметим в сравнительно-правовом аспекте, что важные указания именно на государственные обязательства в рассматриваемом вопросе содержатся в Конституциях некоторых стран. Так, ст. 124 Конституции Швейцарии установила, что «Союз и кантоны заботятся о том, чтобы лица, потерпевшие от преступления против их физической, психической или сексуальной неприкосновенности, получали помощь и соразмерное возмещение, если вследствие преступления у них возникли экономические трудности»; ст. 30 Конституции Южной Кореи определила: «Граждане, потерпевшие телесное повреждение или погибшие в результате преступного действия, совершенного другим лицом, могут получить помощь государства в рамках условий, предусмотренных законодательством»; в ч. 2 ст. 128 Конституции Ирака закреплено, что «государство гарантирует компенсацию семьям мучеников и пострадавшим в результате террористических актов».

В России, насколько можно судить на основании конституционных текстов, обязанность компенсации причиненного потерпевшему ущерба однозначно возложена на государство только в том случае, если речь идет о потерпевших от «злоупотребления властью». В части же компенсации ущерба жертвам преступлений Конституция предписывает государству лишь «обеспечить» такую компенсацию. Способы же обеспечения могут быть весьма различными, они определяются законодателем самостоятельно, на что неоднократно обращал внимание Конституционный Суд РФ. При этом, как показывает практика, один из наиболее распространенных способов такого «обеспечения» - регламентация гражданского иска, что в рассматриваемом нами контексте означает констатацию именно гражданско-правовых отношений, связанных с возмещением вреда от преступления непосредственно со стороны виновного. Это обстоятельство, кстати, прямо зафиксировано в ст. 35 Конституции Сербии: «Закон должен определять условия, при которых пострадавшая сторона может требовать компенсацию ущерба непосредственно от человека, который причинил ущерб».

Не развивая далее тему потерпевшего и его отношений с государством и лицом, совершившим преступление, еще раз повторим: потерпевший не может быть признан субъектом уголовно-правовых отношений, он не обладает уголовно-правовыми по своему содержанию правами и обязанностями по отношению к государству и лицу, совершившему преступление.

Таким образом, **единственным субъектом, который в уголовно-правовых отношениях противостоит государству, является лицо, совершившее общественно опасное деяние.** Но и здесь возникает ряд актуальных вопросов, которые нуждаются, хотя бы, в кратком освещении.

Традиционный взгляд на субъекта уголовного правоотношения предполагает, что в качестве такового выступает человек («гражданин», «физическое лицо»). Дискуссии по поводу того, выступает ли субъектом «подозреваемый», «обвиняемый», «подсудимый» или «осужденный» представляются нам в настоящий момент не актуальными, «угасающими», по той причине, что отмеченные обозначения фиксируют уголовно-процессуальный статус лица, совершившего преступления. Тогда как субъектом правоотношения выступает само это лицо, вне зависимости от того, придан ли ему соответствующим процессуальным актом тот или иной статус.

Вместе с тем, развитие уголовно-правовой теории и практики противодействия преступности обусловило постановку и в ряде случаев вполне успешное решение вопросов ответственности юридических лиц за преступления. Этой проблеме посвящена обширная литература. В связи с этим, возникает закономерный вопрос о необходимости «теоретической прописки» юридического лица в структуре уголовно-правового отношения. Показательно, что во всех имеющихся источниках, обосновывающих необходимость введения ответственности юридических лиц, проблема юридического лица как субъекта уголовно-правового отношения не обсуждается, хотя значимость ее, на наш взгляд, не вызывает сомнений.

Заметим, что отечественная правовая система уже давно знакома с публично-правовой ответственностью юридических лиц, в том числе, и с административной ответственностью, которая по ряду своих ключевых параметров крайне близка ответственности уголовно-правовой, о чем неоднократно высказывался и Европейский суд по правам человека, и Конституционный Суд РФ[8]. На основании имеющихся решений Конституционного Суда РФ, легитимирующих применение мер административной ответственности к юридическим лицам, обосновывающих необходимость соблюдения общеправовых принципов ответственности при конструировании оснований и мер административно-правовой и уголовно-правовой ответственности, можно вполне обоснованно предположить, что конституционных препятствий к закреплению в уголовном законе правил об ответственности юридических лиц не имеется.

Однако это не снимает вопроса о юридическом лице как субъекте уголовно-правового отношения, но позволяет уточнить саму его постановку: является ли субъектом уголовно-правового отношения субъект ответственности или субъект, совершивший уголовно-противоправное деяние, если допустить теоретически, что эти субъекты не совпадают в одном лице.

В классической литературе этот вопрос обсуждается в связи с возможностью признания субъектами уголовно-правовый отношений

невменяемых лиц и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. Некоторые авторы категорически утверждают, что субъектом уголовного правоотношения выступает лишь лицо, отвечающее признакам субъекта преступления и способное нести ответственность за это преступление[9, с.87; 10, с. 375]. Другие отстаивают противоположную позицию. Еще Р.И. Михеев писал, что, «совершая предусмотренное уголовным законом деяние, невменяемый неизбежно вступает в определенные отношения с государством, и такие отношения носят юридический характер: государство обязано ограждать как общество, в целом, так и отдельных членов общества от подобных, хотя совершаемых без вины и ненаказуемых, но, тем не менее, общественно опасных деяний путем применения специфических уголовно-правовых мер принуждения к невменяемому – принудительных мер медицинского характера»[11, с. 242 - 243]. При этом характерно, что, допуская таких лиц в круг субъектов уголовного правоотношения, авторы, во-первых, строго следуя нормативному тексту УК РФ, признают субъектами лиц, совершивших общественно опасное деяние в состоянии невменяемости[12] (поскольку правовые последствия соответствующего деяния определены УК РФ), но не признают таковыми лиц, не достигших возраста уголовной ответственности (что, по меньшей мере, весьма дискуссионно с точки зрения системного подхода к решению проблемы); а во-вторых, конструируют для таких лиц, не способных нести уголовную ответственность, особый, специфический вид уголовно-правовых отношений, рассматривая их отдельно от классического правоотношения «государство – преступник» и допуская, таким образом, существование нескольких видов охранительных уголовно-правовых отношений. И.Ф. Дедюхина, к примеру, прямо пишет о том, что в зависимости от того, какой юридический факт лежит в основе возникновения отношений, следует выделять постпреступные охранительные и постделиктные охранительные уголовно-правовые отношения[13, с. 54].

В настоящее время проблема определения субъекта уголовно-правового отношения в рассматриваемом контексте усугубляется положениями уголовного закона, которые допускают взыскание штрафа, назначенного несовершеннолетнему, с его родителей или законных представителей (ч. 2 ст. 88 УК РФ), а также, возможностью возмещения ущерба и (или) заглаживания вреда для целей освобождения от уголовной ответственности (статьи 75 – 76.2, 199, 199.1 УК РФ) не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия) другими лицами или организацией (п. 3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27.06.2013 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»). В связи с этими нормами, возникает не исследованный в науке вопрос о том, являются ли в данном случае родители, законные представители несовершеннолетнего или иные лица, возмещающие ущерб, субъектами охранительного уголовно-правового отношения или нет.

Обсуждение этого комплекса вопросов позволило Н.В. Генрих сделать вывод о том, что «в некоторых случаях в рамках правоотношения государству противостоит не субъект преступления, а иные лица, непосредственно не связанные с совершением преступления». Таких лиц предложено именовать «субсидиарными участниками уголовно-правового отношения»[14, с. 169, 174]. В рамках такой концепции, которая, однако, по мысли ее автора, исключает их круга субъектов уголовно-правового отношения невменяемых лиц и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, понятие «субъект уголовно-правового отношения» фактически уравнивается с понятием «субъект ответственности» (если понимать под ответственностью, в данном случае, все меры правового воздействия, которые потенциально могут последовать в случае совершения преступления и которые предусмотрены в УК РФ) и включает в себя как лиц, совершивших преступление, так и иных субъектов – представителей несовершеннолетнего, юридических лиц, лиц, компенсирующих ущерб от преступления для целей освобождения от уголовной ответственности, лиц, которые не совершали преступления, но в отношении которых осуществляется конфискация имущества.

Однако детальное рассмотрение этой концепции выявляет ее некоторые существенные недостатки, связанные, прежде всего, с недифференцированной оценкой правового статуса рассматриваемых лиц. В частности, если допустить в круг субъектов уголовно-правового отношения представителей несовершеннолетнего, лиц, компенсирующий ущерб, и лиц, в отношении которых осуществляется конфискация имущества, то надо закономерно признать наличие у них и у государства корреспондирующих прав и обязанностей именно в рамках уголовного права. Вместе с тем, таковых прав и обязанностей обнаружить не удастся. Родители, законные представители несовершеннолетнего лица, возмещающие ущерб, берут на себя выполнение определенных функций по уплате штрафа или компенсации ущерба добровольно, государство не может их к этому обязать и не может принять в отношении каких бы то ни было принудительных мер в случае отказа от исполнения этих функций. Если такие лица и состоят в правоотношениях, то не с государством, а с примирителем вреда, и отношения эти, по своей природе, гораздо ближе к гражданско-правовым, нежели к уголовно-правовым. А потому «субъекты ответственности» в данном случае не выступают субъектами уголовно-правовых отношений.

Иная логика должна быть применима к характеристике юридических лиц. Однако, по нашему убеждению, ей препятствует высказанное Б.В. Волженкиным и впоследствии широко растиражированное мнение о необходимости различия в характеристике юридических лиц статуса субъекта преступления и субъекта уголовной ответственности[15]. Как известно, Б.В. Волженкин писал, что юридических лиц не целесообразно признавать субъектами преступления, но допустимо считать субъектами уголовной ответственности. Такой подход препятствует построению стройной теоретической концепции. Быть субъектом уголовной

ответственности можно только в рамках уголовно-правовых отношений, которые складываются в связи с фактом нарушения уголовно-правового запрета между государством и лицом, нарушившим запрет. Следовательно, признавая юридических лиц субъектами уголовной ответственности, надо однозначно признать, что они получают таковой статус именно в силу того, что совершили преступление, то есть, иными словами, являются субъектами преступления. Вопрос о том, какова в данном случае конструкция состава преступления и как ответственность юридических лиц, согласуется с принципом вины, приобретает самостоятельное и отдельное значение, его решение не зависит от признания юридических лиц субъектами уголовно-правового отношения.

В итоге, представленные рассуждения позволяют констатировать, что обладание лицом статусом субъекта ответственности с необходимостью предполагает его участие в уголовно-правовом отношении. Иной же вопрос – достаточно ли быть участником правоотношения, чтобы статья субъектом ответственности (или иначе – совпадают ли статусы участника правоотношения и субъекта ответственности), по нашему убеждению, должен быть решен отрицательно. И в этой связи, нет никаких препятствий к тому, чтобы лиц невменяемых и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, признавать субъектами уголовно-правовых отношений. Существующие различия в определении процессуального порядка рассмотрения соответствующих дел надо признать следствием теоретической неопределенности в решении этой проблемы и недочетом законодательства, исправление которого требует дополнительных исследований, выходящих за пределы нашего предмета рассмотрения.

Таким образом, **основная характеристика субъекта уголовно-правового отношения, противостоящего государству, и находящегося с ним в правовой связи, заключается в том, что этот субъект совершил общественно опасное и уголовно-противоправное деяние.** Это не исключает, но напротив, предполагает возможность дифференциации субъектов уголовно-правового отношения на виды, в зависимости от их способности нести уголовную ответственность, а также, в зависимости от иных уголовно-релевантных признаков.

Остается в теоретическом плане решить еще один вопрос: отношения, которые возникают в связи с фактом совершения общественно опасного деяния, между государством и (а) лицом, способным нести уголовную ответственность, (б) не способным к уголовной ответственности, (в) юридическим лицом, - это три самостоятельных вида уголовно-правового отношения или же одно. Как было показано, в литературе их традиционно признают отличными друг от друга видами правоотношений. Однако, по нашему мнению, неизбежные в данном случае различия выражаются лишь в применении объективно различных мер уголовно-правового воздействия. В тоже время, методы регулирования отношений (императивный и диспозитивный), принципы регулирования отношений, цели такого регулирования остаются неизменными, что прямо вытекает, в частности, из

решений Конституционного Суда РФ, требующего соблюдения единых стандартов для разрешения уголовно-правовых конфликтов, вызванных общественно опасным и уголовно-противоправным поведением вменяемых и невменяемых лиц[16]. Нам представляется, что, сущностно, в данном случае имеет место один вид правоотношений (охранительных уголовно-правовых), в которых на стороне, противоположной государству, выступают различные субъекты.

Литература:

1. Пикина Т.В., Евтюшкина К.И. Уголовно-правовой статус личности: попытка разработки концепции // Вестник Владимирского юридического института. – 2017. – № 1(42).

2. Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2005 № 131-О «По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2005. – № 3.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.2019 № 23-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2019. – № 4.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2013 № 24-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2014. – № 1.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов" в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожцев» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2003. – № 4.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.2014 № 28-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1 Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок" и части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В. Курочкина, А.Б. Михайлова и А.С. Русинова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 1.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой

статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и октябрьского районного суда города Мурманска» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2005. – № 4.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.12.2017 № 35-П «По делу о проверке конституционности части 1.3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Ю.А. Рейнхиммеля» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2018. – № 2.

9. Загородников Н.И. О содержании уголовно-правовых отношений // Советское государство и право. – 1963. – № 11.

10. Петрова Г.О. Петрова Г.О. Субъекты уголовно-правового отношения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Власть и право. – 2003. – Вып. 2 (7).

11. Михеев Р.И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1983.

12. Ображиев К.В. Предмет уголовно-правового регулирования // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 2.

13. Дедюхина И.Ф. Проблемы установления и реализации уголовной ответственности с учетом признаков и поведения потерпевшего: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.

14. Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2011.

15. Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. - СПб.: СПБЮИ ГП РФ, 1998.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2013 № 10-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Первова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2013. – № 5.

Literature:

1. Pikina T.V., Evtyushkina K.I. The criminal legal status of an individual: an attempt to develop a concept // Bulletin of the Vladimir Law Institute. - 2017. - No. 1 (42).

2. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 18, 2005 No. 131-О “At the request of the Volgograd Garrison Military Court on the verification of the constitutionality of part eight of Article 42 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation” // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. - 2005. - No. 3.

3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 13, 2019 No. 23-Р

- “InthecaseoftheverificationoftheconstitutionalityofthethirdpartofArticle 6.1
oftheCodeofCriminalProcedureoftheRussianFederationinconnectionwiththecompla
intofcitizen B.A. Sotnikova ”//
BulletinoftheConstitutionalCourtoftheRussianFederation. - 2019 .-- No. 4.
4. ResolutionoftheConstitutionalCourtoftheRussianFederationofNovember
19, 2013 No. 24-P
“InthecaseoftheconstitutionalityoftheprovisionsofthefirstpartofArticle 10
oftheCriminalCodeoftheRussianFederation, thesecondpartofArticle 24,
thesecondpartofArticle 27, thefourthpartofArticle 133 andArticle
212oftheCriminalProcedureCodeoftheRussianFederationinconnectionwiththecomp
laintsofcitizens S.A. Borovkovaand N.I. Morozova ”//
BulletinoftheConstitutionalCourtoftheRussianFederation. - 2014. - No. 1.
5. ResolutionoftheConstitutionalCourtoftheRussianFederationofApril 24,
2003 No. 7-P “Onthecaseontheverificationoftheconstitutionalityofclause 8
oftheDecreeoftheStateDumaofMay 26, 2000“
Ondeclaringamnestyinconnectionwiththe 55th
anniversaryoftheVictoryintheGreatPatrioticWarof 1941-1945
"inconnectionwiththecomplaintofcitizen L.M. Zaporozhets ”//
BulletinoftheConstitutionalCourtoftheRussianFederation. - 2003. - No. 4.
6. ResolutionoftheConstitutionalCourtoftheRussianFederationdated
11.11.2014 No. 28-P “Onthecaseoftheconstitutionalityoftheprovisionsofpart 1
ofarticle 1 oftheFederalLaw“ OnCompensationforViolationoftheRighttoa
JudicialProceedingswithin a ReasonableTermorthetheRighttoExecute a
JudicialActwithin a ReasonableTime ”andpartthirdarticle 6.1
oftheCodeofCriminalProcedureoftheRussianFederationinconnectionwithcomplaint
sbycitizens V.V. Kurochkina, A.B. Mikhailovaand A.S. Rusinova ”//
BulletinoftheConstitutionalCourtoftheRussianFederation. - 2015. - No. 1.
7. ResolutionoftheConstitutionalCourtoftheRussianFederationofJune 27,
2005 No. 7-P
“InthecaseoftheconstitutionalityoftheprovisionsofthesecondandfourthpartsofArticle
20, partsixofArticle 144, paragraph 3 ofPartOneofArticle 145, partthreeofArticle
318, partoneandtwoofArticle 319
oftheCodeofCriminalProcedureoftheRussianFederationinconnectionwiththerequest
softheLegislativeAssemblyoftheRepublicofKareliaandtheOctoberDistrictCourtofthe
cityofMurmansk ”// BulletinoftheConstitutionalCourtoftheRussianFederation. -
2005. - No. 4.
8. ResolutionoftheConstitutionalCourtoftheRussianFederationdated
04.12.2017 No. 35-P “Inthecaseoftheverificationoftheconstitutionalityofpart 1.3
ofarticle 32.2
oftheCodeoftheRussianFederationonadministrativeoffensesinconnectionwiththeco
mplaintofcitizenYu.A. Reinhimmelya ”//
BulletinoftheConstitutionalCourtoftheRussianFederation. - 2018. - No. 2.
9. Zagorodnikov N.I. Onthecontentofcriminallawrelations //
SovietStateandLaw. - 1963. - No. 11.

10. Petrova G.O. Petrova G.O. *The subject of criminal law relations* // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky: Power and law.* - 2003. - Issue. 2 (7).

11. Mikheev R.I. *The problems of sanity and insanity in Soviet criminal law.* - Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern University, 1983.

12. Obrazhiev K.V. *The subject of criminal law regulation* // *Russian criminological view.* - 2009. - No. 2.

13. Dedyukhina I.F. *Problems of establishing and implementing criminal liability, taking into account the signs and behavior of the victim: Diss. ... cand. legal sciences.* - M., 2008.

14. Heinrich N.V. *The subject and method of criminal regulation: Diss. ... Dr. jur. sciences.* - Ryazan, 2011.

15. Volzhenkin B.V. *Criminal liability of legal entities.* - SPb.: SPbYUI GP RF, 1998.

16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 05.21.2013 No. 10-P
“In the case of the verification of the constitutionality of the second and fourth parts of Article 443 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S.A. Pervova and the request of the magistrate court plot number 43 of the city of Kurgan” // *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation.* - 2013. - No. 5.